

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Евгения Щепетнова
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

НИЩИЙ
НИЩИЙ. ДИКИЕ ЗЕМЛИ

МАНАГЕР

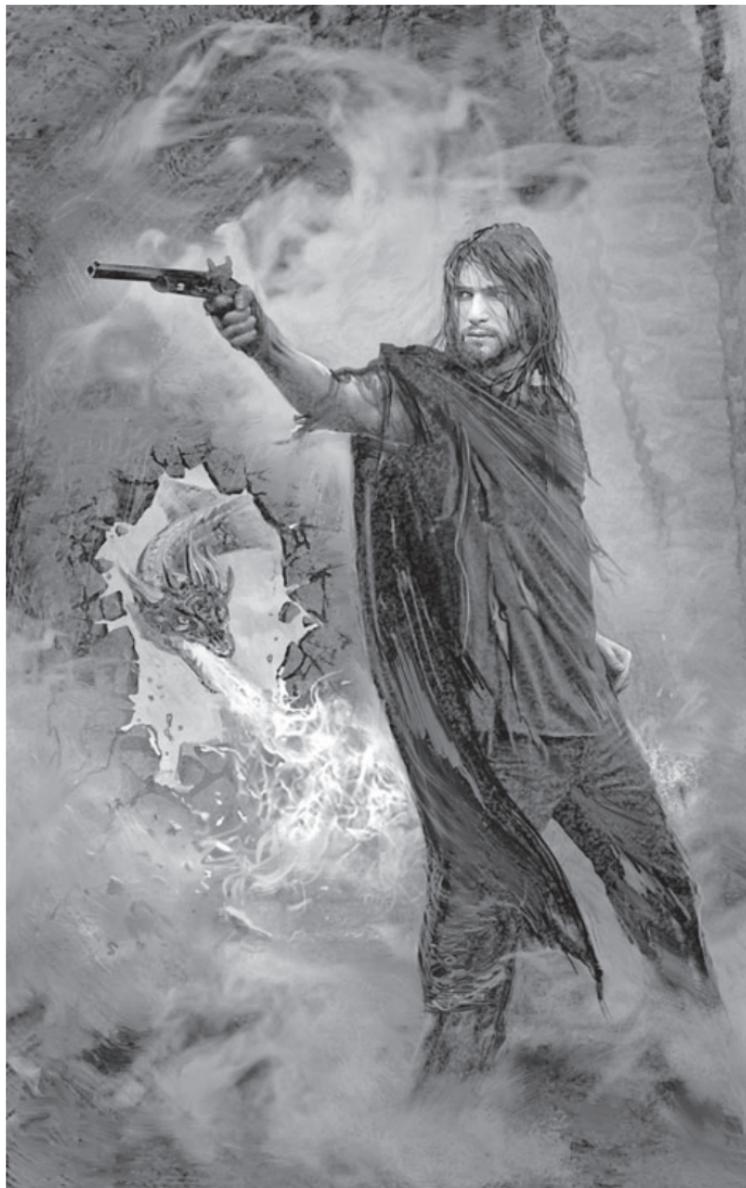
МОНАХ
МОНАХ. ПУТЬ К ЦЕЛИ
МОНАХ. ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ
МОНАХ. БОЛЬ ПОБЕДЫ

«ИСТРИНСКИЙ ЦИКЛ»

ЛЕКАРЬ

МАГ

ВОЕНАЧАЛЬНИК
СЕРЫЙ ВЛАСТЕЛИН

Евгений ЩЕПЕТНОВ

**МОНАХ.
БОЛЬ ПОБЕДЫ**

Роман

Москва, 2013
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Щ56

Серия основана в 2004 году
Выпуск 504

Художник
С. Дудин

Щепетнов Е. В.

Щ56 Монах. Боль победы: Фантастический роман. — М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 344 с.: ил.—
(Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1629-5

Пройдено две страны, добыто могущество, каким обладал в этой стране только император, но нет покоя. Проблема за проблемой кружат голову, давят тяжестью решений, которые нужно принимать. Когда Андрей был на Земле, главное для него было — выжить. Выжить и тогда, когда он крался в «зеленке», каждую секунду ожидая выстрела, выжить, когда он был наемным убийцей, выжить, когда он спрятался от преследователей в отдаленном монастыре и стал монахом. Здесь, в этом мире, главным оказалось другое — уничтожить Зло, а уж потом выжить. И для этого Андрей готов не щадить ни себя, ни своих близких. Как на войне.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Щепетнов Е. В., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ISBN 978-5-9922-1629-5

ГЛАВА 1

Громяхают колеса кареты по булыжной мостовой, лезут в голову всяческие мысли... Иные и хотел бы, да не отбросишь. Все ли идет так, как надо?

Пройдено две страны, добыто могущество, каким обладал только император, но нет покоя. Проблема за проблемой кружатся, как снежинки, и садятся на голову, на плечи, придавливая к земле тяжестью решений, которые нужно принимать. Когда Андрей был на Земле, главное для него было — выжить. Выжить и тогда, когда он крался в «зеленке», каждую секунду ожидая выстрела, выжить, когда он был наемным убийцей, выжить, когда он спрятался от преследователей в отдаленном монастыре и стал монахом. Здесь, в этом мире, главным оказалось другое — уничтожить Зло, а уж потом выжить. И для этого Андрей готов был не щадить ни себя, ни своих близких. Как на войне.

Впрочем — разве это была не война? Разве он теперь не был солдатом? Солдатом Света. Иногда он в этом сильно сомневался.

С тех пор как Андрей прибыл в этот мир, заброшенный прихотью неизвестной Сущности — он надеялся, что Бога, — бывший наемный убийца и бывший монах только и делал, что убивал. Убивал, убивал, убивал... он уже устал от убийств, от грязи, от переживаний за своих близких, но конца-краю этому конвейеру смерти не было. Вот и сейчас он ехал на завод, чтобы убедиться в том, что смертоносное оружие, которое он сделал достоянием этого мира, производится по графику, что все идет так, как он задумал.

Карета расплескивала лужи — начался сезон дождей, гарантирующий Балрону передышку перед гражданской войной. Во время сезона дождей, длившегося здесь полгода, и

месяц после его окончания ожидать от противника военных действий не приходилось — только сумасшедший решился бы отправить многотысячную армию на штурм столицы, когда люди и лошади вязнут по колено в непролазной грязи. Так что у Андрея было время, чтобы подготовиться.

С того момента как было похоронено в морской пучине «тело императора» (драконица Шанти блестяще справилась с этой ролью), прошло уже три месяца. Долгий срок. Для Земли, где жизнь несется бурным потоком, захлестывающим человека и уносящим его в неведомые дали. Здесь — никто никуда не торопился. Андрею стоило большого труда заставить подчиненных работать так, как он хотел, — быстро, в срок, без задержек и расхолаживания. Приходилось использовать все методы, от кнута до пряника. Пряником, конечно, были деньги. Ну а кнут... кнут, бывало, применялся и не в фигуральном смысле.

Раньше на завод брали заключенных, но Андрей отменил эту практику — последний мятеж показал, что этой публике на режимном предприятии делать нечего. Если, конечно, не хочешь получить нож в спину во время очередного бунта. Теперь там работали только вольнонаемные — за хорошую по здешним меркам плату. Кроме того, для них было организовано питание и проживание — рядом со столицей Балрона Анкаррой фактически вырос новый город-спутник, его называли Оружейный город, по градообразующему предприятию.

При заводе организовали школу механиков, где обучали всех желающих работе на станках, а также с приборами и механизмами. Конечно же — после подписания контракта, где оговаривалось, что они не будут работать нигде больше, кроме как на оружейном заводе. Все шло хорошо. Если только забыть, что грядет огромная, страшная, кровопролитная война.

С юга угрожает спрятавшийся в своем поместье оборотень-бунтовщик Гортус, а в спину смотрит страна исчадий — Славия, ради освобождения которой, собственно, и был задуман весь этот план.

И это не все — где-то бродят старейшины драконов, наблюдающие за исполнением договора, по которому драконы не имеют права вмешиваться в жизнь людей. Опасные, могу-

чие, живущие тысячи лет существа строят козни, и, как всегда бывает в этом мире, их слова и договоры о невмешательстве в жизнь людей есть лишь красивые слова и пустые декларации. Самое главное — это интересы самих драконов, и ради этого они постоянно подправляют историю людей. Увы, как оказалось, никто не избавлен от лицемерия, ни человеческий род, ни драконий.

О том, что драконы, затерявшись в толпе, наблюдали за ходом похорон императора, Андрей узнал от Шанти, его подруги, сестрички, а в миру — молодой драконихи Шантаргон, игравшей роль покойного Зарта Четвертого, убитого при попытке изнасиловать любимую женщину Андрея — Антану. Она и убила его — им пришлось тайно бросить тело императора в океан, и дракониха некоторое время изображала императора, якобы женившегося на Антане.

Все драконы имеют одну особенность — они могут принимать любой облик, от кошки до быка или синего кита, в пределах массы их тела. Драконья чешуя практически непробиваема для оружия Средневековья — не зря доспехи из драконьей чешуи стоят огромных денег, и носить их могут лишь императоры или очень богатые люди. И вот теперь эти могучие и практически неуязвимые существа стали врагами Андрея.

Он не сомневался, что вскорости ему придется встретиться со старейшинами драконов, и были небеспочвенные опасения, что встреча может закончиться смертью кого-то из них — или Андрея, или старейшин. Умирать он не собирался — дел по горло, какое там умирать? — так что следовало хорошенько подумать, как противостоять летящему на могучих крыльях многотонному огнемету, бронированному непробиваемой чешуей и при этом обладающему мозгом, вмещающим мудрость десятков тысяч лет.

Впрочем, Андрей и сам был непрост — бывший спецназовец, бывший наемный убийца, бывший монах одной из северных обителей Земли, а теперь первоклассный воин и оборотень. За ним стояла мудрость земной цивилизации, ее знания, ее опыт. Мозг Андрея, усиленный мутацией оборотня, был теперь способен вспомнить все знания, которые когда-то, даже случайно, попали в его голову. И эта способность развивалась с каждым днем. Стоило лишь как следует на-

прячь мозговые извилины, и перед глазами появлялись страницы книг, журналов и газет, которые он когда-то прочитал, справочников, которые он листал...

Но — это все жизни ему не облегчало. Задача стояла мало сказать непростая — безумная! Искоренить Зло в мире, добиться справедливости — что может быть сумасброднее этого плана? Разве справедливость есть на свете? Андрей надеялся, что — да. Иначе зачем все было затевать? Кому затевать? Да Богу, конечно.

И сейчас воин-оборотень — и будущий император Балрона — был орудием Божьим. По крайней мере, надеялся, что это так и есть.

— И чего мы там будем смотреть? Зачем мы туда едем? — обратилась к Андрею спутница, устроившаяся напротив него на кожаном сиденье, обитом серебряными гвоздиками.

Это была симпатичная девушка лет семнадцати, невысокая, веснушчатая, с огненно-рыжими волосами, задорно задраным носиком и довольно приличной грудью, твердыми полушариями торчащей вперед. Она скучающе покачивала ногой, которую до самого колена обвивали ремешки кожаной сандалии, и, морщась, смотрела в окно на отсыревшие стены домов, на серое небо, где ветер рвал клубы черных туч, на деревья, с которых летели вычурные листья, устилавшие булыжные мостовые. Люди пробегали под косыми струями дождя, подняв воротники, пряча лицо от резкого, хлещущего мокрыми ладонями ветра, уносящего радость светлого дня из этого утра.

— Ты чего как воды в рот набрал? — продолжала приставать девушка. — Нечего сказать, что ли? Сидишь и тупо молчишь! А мне скучно! А ты меня тащишь на этот поганый завод, когда я могла бы сейчас лежать на кровати, размышлять о вечном, а еще играть с Антаной в «лис и зайцев»! Кстати, я все-таки играю лучше людей! Согласись, драконы умнее вас!

— Мне отвечать по пунктам? Или на всю твою ерунду чохом? — иронически скривил губы Андрей, тяжело вздохнув в очередной раз: с Шанти, когда пребывала в дурном настроении, общаться было не то чтобы затруднительно — просто невозможно. Она ныла, она вредничала, проказила, и Андрей уже десять раз пожалел, что взял ее с собой. Он хотел ее развлечь, потому что драконица не выходила из дворца уже... и

не вспомнить сколько времени. Чуть ли не с самых «похорон». Зарядили серые дожди, и она заявила, что драконы — нежные, разумные существа — в это время лежат по теплым и, главное, сухим пещерам и не шастают, как глупые люди, под струями холодной, льющейся с неба воды.

Все последнее время Шанти пребывала в облике человеческой девушки, создав свой образ сама, чем очень гордилась. Она до мелочей слепила тело девицы, перешептываясь с Антаной и надолго уединяясь с ней в спальне, где имелось огромное, в рост человека зеркало — одна из драгоценностей короны.

В один прекрасный день Шанти выпорхнула из спальни и предстала перед Андреем. Он долго откашливался, так что на его глазах выступили слезы. А потом потребовал, чтобы она прикрылась чем-нибудь — не дай боже кто-то увидит и решит, что они тут втроем с императрицей занимаются свальным грехом.

Однако для себя отметил, что девицу Шанти с Антаной слепили довольно соблазнительную. При этом новый облик отражал бесшабашный нрав драконицы. Зеленые глаза смотрели насмешливо и дерзко, будто их обладательница не боялась ничего на свете и не верила, что с ней может случиться что-то плохое.

Образ девушки был выбран не случайно. На похоронах императора Шанти увидела в толпе драконов, судя по всему — старейшин племени. Она почувствовала их удивление, возмущение, ярость — драконица была эмпатом, и могучим. Посоветовавшись, решили: Шанти будет рядом с императрицей как ее охранница и подруга. А какой облик пристало принять императорской наперснице? Уж конечно, не черной кошки, в обличье которой Шанти пересекла две страны, сидя у Андрея на плече. Странно было бы, если б императрица играла в настольные игры с черной кошкой. Вряд ли бы придворные это оценили.

Вот так и стала жить во дворце Шанти, девушка из глубинки, дальняя родственница Антаны, ее фрейлина и подруга — по версии для придворных.

В свет Антана не выходила, штата фрейлин не набирала, сославшись на невозможность вести обычный для императриц образ жизни из-за беременности и связанного с этим не-

домогания. Это было враньем. Антана и сама являлась оборотнем, а они, как известно, обладают могучим здоровьем, так что ее беременность протекала вполне даже приятно и не тяжело.

Впрочем, после родов Антане все равно придется забыть о затворничестве, но женщина, как могла, оттягивала этот момент. Ну не любила дочь купца все эти балы, приемы и церемонии. За что бывала порицаема своим тайным мужем — Андреем.

Они решили подождать с оформлением своих отношений до родов — вот родит, а потом уже Андрей разведется с Олрой и женится на вдовствующей императрице, став принцем-консортом и регентом при будущем императоре Балрона.

Олра до сих пор его любила, но он ее — нет. Оставались еще какие-то дружеские чувства, однако прежняя страсть ушла. И Олра была сама виновата в этом, отвернувшись от Андрея тогда, когда он предложил ей все, что мог дать, — свою любовь, верность и саму жизнь.

Ничто не проходит бесследно. Остался плод их любви — Олра скоро должна была родить. Раньше, чем Антана. Ведь их с Олрой любовь случилась на несколько месяцев раньше...

Олре уже тяжело было выходить в свет, и, оставив свои политические и коммерческие дела, она сидела дома, ожидая схваток и справедливо полагая, что стоит ей отправиться к графине Суран или баронессе Амбуг с визитом, как она тут же родит где-нибудь в углу кареты. Такая перспектива ее не прельщала.

— Что, нельзя было подождать, когда дождь хоть ненадолго прекратится? — канючила Шанти, выпятив нижнюю губу, розовую и пухлую, совсем как настоящая. Если не знать, что за ней скрывается непробиваемый металлизированный хитин...

Андрей встряхнул головой, отгоняя желание ухватиться за розовую губу и завопить: «Ты замолчишь нафиг?!», побарабанил пальцами правой руки по сиденью и с надеждой спросил:

— Может, пообедать хочешь?

— Надеешься заткнуть мне пасть куском мяса? — усмехнулась Шанти. — Так ты же не дашь есть сырое! Чтобы по

нему текла сукровица, такая сладкая, такая свежая! Вам, людям, обязательно надо обуглить эти куски, а потом, чавкая и клацая тупыми зубами, вы будете пытаться оторвать от них мелкие, как кот нагадил, кусочки!

— А может, в трактире кто-то подерется и ты выкинешь его в окно? — продолжил Андрей, не оставляя попыток чем-то заинтересовать капризулю.

— Щас прям! Они при тебе драться не будут! Знаю уже! Все будут тихие и нудные! Они же при виде тебя все обделываются, тебя каждая собака знает! А тем более что с нами целая армия дармоедов! Вон сидят, как вороны, на своих тощих, мерзких лошаденках и мечтают, чтобы тебя пронесло — как кара за то, что ты потащил их из теплых казарм под проливной дождь!

— О боже мой! Ну почему бы и тебе не быть тихой! — не выдержал Андрей. — Занудства-то в тебе хоть отбавляй! А вот тихой тебя можно сделать, только заткнув пасть тюком сена!

— Да-да, заткни мне пасть! — с надрывом, завывающим голосом подхватила драконица и, хитро усмехнувшись, добавила: — И чего, если заткнешь? Я все равно по мыслесвязи могу говорить! Голову-то мне не отрубишь! Впрочем, от тебя всего можно ожидать, — добавила она, подозрительно покусившись на злющего Андрея. — Ладно-ладно, не зыркай, как... оборотень на охоте. Молчу-молчу. Так чего мы там смотреть должны, на заводе?

— Средства для затыкания пасти особо говорливым драконам, — сварливо ответил Андрей, поглядывая в окно на нахохлившихся в седлах гвардейцев. От них и правда исходила такая волна тоски и недовольства, что он даже поежился — его, как мутной водой, окатило чувствами солдат. Быть эмпатом иногда вредно для здоровья.

— Это чего, куски мяса нас ждут, что ли? — переспросила, притворившись непонятливой, Шанти. — Так-то я не против хорошего куска мяса.

— Поздно. Я передумал тебя кормить, — прищурился Андрей. — Нет, это не мясо. Приедем — увидишь. Тем драконам, которые испытают на себе эту штуку, не поздоровится.

— Я себя чувствую предательницей рода, — вздохнула драконица. — Помогаю злейшему врагу драконов!

— Не был я никогда злейшим врагом драконов, ты же знаешь. И люблю тебя, мою строптивую и злобную сестренку, нежной любовью. Это оружие против плохих драконов, тех, которые хотят вечно манипулировать людьми и которые, кстати, сами нарушили договор, вмешиваясь в дела людей. А кроме того, они скоро, уверен, пожелают лишить меня твоего общества, а еще — самой жизни. А я как-то привык к тебе, да и хочется пожить подольше и посмотреть — что там за горизонтом.

Шанти помолчала и удрученно ответила:

— Прости. Я и вправду что-то не очень хорошо себя веду. И ничего не могу с собой поделаться! У меня такое сильное раздражение на этот дождь, на грязь, на отсутствие солнечного света, на эти тучи... и на скуку. Пытаюсь себя сдерживать — и не могу. Я не хотела тебя обидеть. Я тоже тебя люблю, братец. Ты и вправду стал мне родным, так же как мама, например. И плевать на этих драконов — что поделаешь, если они такие идиоты! Будем учить их вести себя правильно. Мы обязательно победим, уверена. Мы не можем не победить!

— Надеюсь, — согласно прикрыл глаза Андрей. — Ну все, пошли? Приехали. Возьми вот зонтик. Платье намочишь, а ты его сегодня первый раз надела. Кстати, оно тебе к лицу, зеленый шелк к зеленым глазам — очень красиво.

— Правда? — улыбнулась довольная Шанти. — А я думала, ты не заметил...

— Женщины, женщины... — пробормотал Андрей и толкнул дверцу остановившегося экипажа.

Лесенка уже была откинута, он сошел на мощный камень двор завода и подал руку драконице, легко спорхнувшей со ступенек. Над ней с хлопком раскрылся зонтик, и крупные капли дождя отбили свой вечный танец, наполняя пространство ровным гулом.

— Иди сюда! — Шанти властно и заботливо потянула Андрея за рукав под кожаное сооружение, украшенное золотой росписью. — Промокнешь! Я понимаю, что ты мужчина, самец и бла-бла-бла, но ведь неприятно, когда льется за шиворот.

Андрей усмехнулся, и они, скрываясь под большущим зонтом, направились к двум мужчинам, стоявшим под навесом. Те что-то жаростно обсуждали и не сразу заметили совет-

ника императрицы и его спутницу. Только когда Андрей был в двух шагах от спорщиков, они обернулись и нестройно поприветствовали вельможу, синхронно поклонившись ему чуть ли не в пояс.

— Ладно-ладно! Без церемоний! — досадливо махнул рукой Андрей. — О чем спор? Вы, кажется, готовы друг другу глаза выцарапать!

— Вчера отдал заказ в третий цех, — начал объяснять директор завода Энар, — но вот он, Акур, отказался делать! Говорит, дождусь господина Андрея, ему расскажу, как лучше, и мы будем делать по-другому!

— А что у нас третий цех делает? — осведомился Андрей, задумчиво глядя на бледного, но решительно настроенного парня лет двадцати.

— Самое главное! Пушки! Вернее — не делает. Отказался делать, пока с вами не поговорит! И мне не стал ничего рассказывать, чего он там придумал!

Андрей нахмурился — пушки были нужны в первую очередь. Нападут драконы — и хана заводу. Одна надежда, что эти древние существа раскачиваются так же неспешно, как и живут: пока надумают, пока определятся, как наказать супостатов, пока спланируют само нападение... А к тому времени они уже подготовятся.

— Вот я и хотел ему морду набить! — горячился Энар. — А он все равно настаивает, говорит — хоть убей, а я буду ждать господина Андрея! И рассказывать, кроме него, никому ничего не стану, потому что это тайна великая... Даже мне, сволочь такая! У-у-у! Если бы ты не был моим братом — убил бы тебя, гадина!

— А не молод он для начальника цеха? — небрежно поинтересовался Андрей, вглядываясь в серые глаза парня, вызывающе задравшего свой курносый нос.

— Хм... нет, — смутился Энар. Он был ненамного старше Акура. — Вообще-то котелок у него хорошо варит. Отец всегда говорил, что этот демонов племянник превзойдет его самого. Инженер от Бога. И работу он налаживает на загляденье. Я ему твержу, что надо сделать так, как сказал господин советник, а уж когда время останется, тогда уже делать то, что он придумал! А он ни в какую!

— Да чего же он придумал-то?! — не выдержал Андрей. —

Пошли в контору, там расскажете! Нет у меня времени загадки разгадывать. И вообще нет времени на пустые разговоры! Если идея не понравится, будете делать так, как я сказал. Понял, Акур?

— Само собой. Но я уверен, вам понравится, — солидно кивнул тот и слегка вразвалочку пошел вперед. Оглянулся на рабочих, стоящих неподалеку, и неожиданно зычно для его сублильной фигуры крикнул: — А чего тут толчемся?! Ну-ка по местам! Точить! Сверлить! Работать! Иначе оштрафую!

Рабочие рассосались в мгновение ока. Андрей же усмехнулся — экономический рычаг иногда действеннее любых репрессий. Жрать захочешь — будешь делать то, что скажут.

Они прошли в пахнущий железом, огнем, разгоряченными телами рабочих цех, встретивший их гулом ударов парового молота и визгом пилы по металлу, и поднялись на второй этаж. Акур, повернув ключ в замке, толкнул одну из дверей и пропустил всех в кабинет, посередине которого стояли длинные столы, заваленные чертежами.

Подождав, когда все войдут, парень выглянул в коридор и, плотно прикрыв дверь, снова запер ее на ключ, под слегка насмешливыми взглядами двоюродного брата и советника, стоявшего рядом с красивой девушкой, почему-то смотрящей на него как удав на лягушку. Будучи небольшого роста, она тем не менее держалась так, будто все вокруг должны пасть ниц и лобызать ей сандалию, выглядывающую из-под зеленого, переливающегося в свете нескольких ламп платья. Впрочем, Акур тут же забыл о прекрасной незнакомке — его снедала неумная жажда создавать, изобретать, придумывать!

Он с гордостью развернул чертежи:

— Вот! Смотрите! Я продумал все! Как увидел ваши пистолеты, так подумал — а почему пушки должны быть такими неуклюжими? Почему они должны заряжаться только с дула? И стрелять дурацкими шарами? Смотрите, как здорово!

Андрей просматривал чертежи, и глаза его полезли на лоб.

— Ты *сам* это придумал? О боже мой... а ты вообще-то воплотить это в жизнь сможешь? Снаряды, например?

— Чего? Что такое снаряды?

— Вот эти штуки называются снаряды. — Андрей показал искомый предмет на чертеже. — А вот это — затвор. Это — гильза. Там порох. Как ты вообще пришел к идее заряжания с казенной части?

— Каз... чего? Какой части?

— Вот это называется казенник. Ты сам придумал этот затвор? Эти пушки?

— Сам! — просиял парень. — Я посмотрел на пистолеты, которые мы делаем по вашим чертежам, и придумал! Только я думал, это тоже будет называться «патрон», а это — «пуля». Теперь буду знать. И откуда вы столько знаете?! — Акур восхищенно посмотрел на собеседника и тут же забыл о своем вопросе. — Я уже сделал несколько образцов сна... снарядов! Я в цеху, где делают патроны, сказал, что мне надо, брат распорядился — и мне сделали. Получилось! Гли... глизы из меди, капсуль тоже. Снаряд железный. Только я пока не придумал, как сделать так, чтобы снаряд не болтался в стволе. Пуля-то свинцовая, а он железный — как сделать, чтобы его раскрутило? И чтобы он нарезы не сильно снашивал? Но ничего, придумаю! — Парень многообещающе кивнул. — Скорострельность будет выше! Смотрите, сюда затыкаем снаряд, потом закручиваем затвор, бьем молотком по бойку, тот по капсулю, и бах! Снаряд полетел! Представляете, на какое расстояние он полетит? И что он натворит у врага? Он сразу убьет несколько человек, пролетая через строй! А ворота? По воротам бить! Издалека! Раскрученный нарезкой снаряд будет лететь гораздо дальше и бить точнее!

— А как ты решил вопрос отдачи? — с интересом спросил Андрей.

Ему было интересно поговорить с гением, изобретателем артиллерии этого мира. Акур еще не понимал, что сделал, его пушки были примитивны и смешны, но... он предвосхитил открытие. Он опередил время. Парень и взаправду был гениален.

— Какой отдачи? А, отдачи! Ну, пушки поставим на турели, будут жестко закреплены. Никакой отдачи и не будет. А если поставить на колеса — откатится назад, потом закатим ее на место — и снова стреляй. Нормально. Вон баллисты гораздо дольше заряжают. А летят камни и стрелы бли-

же. И пробивная способность меньше. Вот так. Ну как, не зря я задержал изготовление пушек?

Андрей вздохнул и с сомнением посмотрел на сияющего парня — сможет ли? Механизмы настоящей артиллерийской пушки настолько сложны для этого времени... Сколько их они смогут сделать? Что лучше — иметь сто отлитых пушек, стреляющих ядрами, или же пять, но стреляющих снарядами? Он взвешивал все и так и эдак, прикидывал, потом спросил:

— Ты хорошо все рассчитал? Ты представляешь, сколько надо для этого нитропороха? Дымный порох ведь сделать легче. Но дымный тут не пойдет. А производство снарядов? А стволы — ты представляешь, какая там нагрузка? Ты сумеешь найти сталь нужной прочности? И сделать стволы? Нужны мощные прессы, нужны специальные механизмы для изготовления частей пушек. Ты сумеешь выдать к окончанию сезона дождей хотя бы десяток таких пушек?

— Сумею! — решительно заверил Акур. — Денег давайте! Людей! Механиков, кузнецов! Металл, химикаты! Я сделаю, клянусь! Не сделаю — отрубите мне башку!

— Отрублю, отрублю... — задумчиво протянул Андрей, рассматривая чертежи. — И какой диаметр ствола ты думаешь сделать? Калибр то есть.

— Ну... миллиметров семьдесят, — слегка растерянно пояснил парень. — Чем больше диаметр ствола, тем сложнее его отковать. Так что на сегодняшний день это максимальный калибр. Семьдесят миллиметров. Я и снаряды под него приготовил — так-то ничего получились. Только надо еще пушки сделать, но без вашего позволения не могу. Ну так что, господин Андрей? Будем делать такие пушки?

— Нет. Не будем, — ответил Андрей, весело глядя в лицо изобретателю.

Тот на глазах потух, как будто сморщился, а его брат шумно выдохнул и торжествующе воскликнул:

— Вот видишь! Видишь! Я тебе что говорил?! Болван! Выпороть бы тебя! На целые сутки задержал начало выполнения заказа! Ну что с ним делать, господин советник? Дать бы ему в глаз, скотине!

— Никому в глаз мы давать не будем. Пушки будем делать, но не такие. Акур, быстро карандаш, бумагу! Сейчас

скажешь — сумеешь сделать такое или нет. Хватит ли у тебя разума, или ты пока не дорос до такого!

Акур встрепенулся и, хмыкнув, встал со стула, с недоверием глядя на Андрея. Потом пошел в угол и с минуту шарился, набирая свинцовые и грифельные карандаши, бумагу, линейки. Вернувшись, разложил все принесенное перед Андреем и выжидающе уставился на него.

— Показывайте. Я не верю, что могу что-то не понять или не сделать. Я гениальный механик. Им всем до меня — как до Славии пешком! Они болваны! — Парень задрал курносый нос и, шмыгнув, утерся рукавом куртки.

— От сволочь! От наглец! — весело восхитился Энар. — Батя всегда говорил, что это самая гениальная и наглая скотина во всем мире! Он его людям-то боится показывать, говорит, узнают — сопрут! Но нагле-е-ец...

Андрей улыбнулся и, развернув лист бумаги, начал уверенно рисовать.

— Начнем со снаряда. Какого рожна он должен быть простой болванкой? Смотри сюда — здесь находится взрывчатка. Сделать ее легко, я тебе скажу как, дам состав. Тут, впереди, вворачивается взрыватель — что-то вроде большого капсюля. При ударе снаряда в цель взрывается капсюль, подрывает взрывчатку. Стальной снаряд разлетается... и все мертвы. Далее. Чтобы он закручивался в стволе, сюда надо приделать медные пояски, а снаряд должен быть вот такой... такой формы. Видишь, тут вдавлено? Ага. Одну проблему устранили. Дальше. Никакая не глиза, как ты ее гадко обозвал, — гильза! Гильза! С ней все понятно, ты ее нормально придумал. Теперь к стволу: диаметр семьдесят миллиметров пойдет. Хотя лучше бы семьдесят шесть.

— Почему семьдесят шесть? — автоматически спросил Акур, лихорадочно блестящими глазами наблюдая за тем, как из-под карандаша советника выходят очертания орудия убийства.

— Ну... так лучше, — уклончиво ответил Андрей. — Итак, семьдесят шесть миллиметров, разрывные снаряды. Нарезку в стволах вы уже умеете делать. А вот отковать такие стволы будет непросто. Сталь нужна очень хорошая, иначе разорвет.

— Найдём! — уверенно кивнул Акур. — Дальше, дальше давайте!

— Теперь записывай: длина патронника 179,3 миллиметра. В стволе двадцать четыре нареза, идущих слева вверх направо. Глубина нарезки 0,762 миллиметра, ширина нарезков семь миллиметров, ширина поля три миллиметра, крутизна нарезков постоянная, угол крутизны $11^{\circ}49'44''$, длина хода нарезков пятнадцать калибров. Длина ствола будет... пять метров. Это увеличит дальность выстрела. Дальше: часть нужно поставить вот на такие штуки — лафет называется. На колесах. Цеплять будем к лошадям. Часть — на турели. Это крепостные пушки.

— Здорово! Еще, еще! — жадно выкрикнул Акур. — Вы — гений! Вы превзошли меня! Я болван в сравнении с вами!

— Тихо-тихо, слушай, — криво усмехнулся Андрей и подумал: если кто и гений, так это тот, кто придумал эти штуки и Интернет. — Итак, дальше. Наводятся они вот так — видишь, крутишь колеса, и пушка вверх... вниз... в стороны. Бить придется прямой наводкой, по стволу. Прицел придумаем потом. Теперь по отдаче. Смотри сюда, это называется накатник, а это — откатник. Тут — жидкость и поршень с прорезями. Тут — мощные пружины, которые возвращают ствол назад. И еще — на стволе, впереди, дульный тормоз. Вот тут каналы, в которые заходят газы после того, как снаряд вылетел из ствола, и тормозят откат. Для того, чтобы механизмы дольше служили. И теперь самое сложное, как мне кажется. Гляди сюда — это затвор...

Андрей долго вырисовывал детали, Акур широко раскрытыми глазами следил за движениями его руки.

— Вы — бог?! — восхищенно прошептал он. — Как вы это могли придумать?! А я-то, болван: завернуть, заглушку, молотком... Мне хочется врезать себе молотком этим по дебильной моей башке!

— Хватит самобичевания, — оборвал его Андрей. — Гляди сюда: это клин. Вот тут стопор... ага. Отводишь ручку, вставляешь снаряд, досылаешь в патронник — щелк! Есть. Он в стволе. Тут спусковой крючок — нажал, бах! Снаряд полетел, а гильза сама вылетела наружу, патронник открыт, досылай снаряд — бах! И полетела смерть. Сумеешь такое сделать?

— О боже, боже мой! Как красиво придумано! — Акур впился в чертежи глазами и деловито спросил: — Подгонять будем, насколько я понял, под те параметры, что вы мне

дали? Ох, сложная задача, ох и сложная! Но интересно, да! Клин тут, ага, тут защелка... здорово! Гений, вы — гений!

— А то ж! — хохотнул Энар. — А ты думал! Господин Андрей великий человек! А ты: я гений! я гений! Дурак ты, а не гений!

— Сам ты дурак! — ошетинился Акур. — Сейчас никто не видит, кроме своих... как дам тебе по башке!

— Тихо, тихо, ребята, — остановил разгоравшуюся ссору Андрей. — Акур, если ты сумеешь это сделать, ты и вправду гений. Ты сумеешь? Уверен?

— Я уже сказал! — Надменно выпятив губу, парень встал из-за стола и принялся расхаживать по комнате, заложив руки за спину. Точь-в-точь как Ленин в кинофильмах, и Андрею захотелось хихикнуть, но он сдержался и только слегка улыбнулся. — Я сказал: мне нужны деньги, люди, материалы! То, что у нас сейчас есть, недостаточно для постройки этих орудий. Денег понадобится много. Господин Андрей, ищите средства. Сразу скажу, казне придется раскошелиться. Собирайте механиков и мастеров по металлу со всей страны. Всех инженеров. Если дадите то, что мне нужно, к концу сезона дождей я выдам вам самое меньшее десять орудий с полным запасом снарядов — по тысяче на каждое. Уверен.

— Хорошо. Посчитайте, что вам нужно, и завтра пришлите во дворец гонца с расчетами. Я займусь организацией дела. Нам позарез нужны эти пушки. Впрочем, как и пистолеты. Энар, что там с пистолетами и ружьями?

— Делаем. Все как планировали. Пока идем в графике. На этой неделе выдадим сотню нарезных ружей с боеприпасами — по пятьсот выстрелов на каждое.

— Патронов больше давайте. Больше. Солдат надо тренировать. Акур, тут еще кое-что, погляди-ка — как пушки, но только без стволов. Смотри — вот железные направляющие, по ним летят снаряды. Видел, шутихи запускают на праздники, они взлетают и бабахают? Так вот, эта штука называется ракета. Она тоже летит и бабахает. Так бабахает, что мало не покажется. Дальность полета и точность у нее ниже, но когда враг идет массой, плотной стеной — представляешь, если ракета попадет в гуцу войска и взорвется?

— Ух ты... займусь! — загорелся Акур. — Будут ракеты! Кстати, их можно поставить на крепостные турели! И пусть

попробуют подойти! И на лафеты можно. И стволы ковать не надо... интересно, очень интересно. Будут ракеты!

— Хочешь, я тебе набросаю еще несколько штук? — улыбнулся Андрей. — Подумай на досуге. Но это уже дело далекого будущего. Я запрещаю заниматься ими, пока не будет полностью выполнен этот заказ. Пушек и ракет надо много. И пистолетов. И ружей. У меня должна быть самая боеспособная армия в мире!

Андрей даже не заметил, как оговорился — «у меня». Ведь на самом деле он должен был сказать: «У Балрона». Он уже давно не отделял себя от государства... Его занимал один вопрос: где взять деньги? Казна была опустошена распутством и мотовством покойного императора. Богатый юг налогов не давал, сливая их бунтовщику Гортусу, а север никогда не отличался богатством. Да и с запада и востока сборы были не ахти какие. Страна в ожидании гражданской войны, и выжать налоги из подданных империи было очень трудно. Все рассуждали примерно так: «В пламени гражданской войны, возможно, сгорят мои долги, налоги. На кой демон сейчас платить императору, когда можно выждать и заплатить потом тому, кто выиграет войну? Все равно победитель потребует денег, так чего же сейчас суетиться?»

Вот и оказалась Антана, великая императрица Балрона, перед разбитым корытом — трон есть, а денег нет. Нужно содержать армию, переоснащать ее, набирать рекрутов — а на какие шиши? Только содержание дворца и штата прислуги обходилось в круглую сумму. А охрана, а гвардия? Зиртон уже докладывал, что в гвардии зреет недовольство — жалованье задерживают, заставляют заниматься муштрой, а при прежнем императоре офицеры гуляли на выданные им золотые и в ус не дули. Были пущены в дело те деньги, что Андрей забрал у исчадий, а еще драгоценности и деньги, отнятые Шанти у разбойников. Но эти средства стремительно таяли, и скоро Андрей и Антана останутся ни с чем. Одно дело — расходы семьи, и другое — затраты на поддержание государственного строя.

Андрей задумался, слегка поколебался — надо ли? — потом все-таки стал набрасывать Акуру чертежи. Он рисовал быстро, размашисто, но линии получались четкими, точными, как у настоящего художника.

Акур опять вытаращил глаза, он почти ничего не спрашивал, лишь жадно вглядывался в наброски и восторженно мычал. Шанти изнывала от скуки и каждые пять минут толкала Андрея ногой. Он злился, но не встал из-за стола, пока не закончил дело.

Попрощавшись с братьями, смотревшими на него как на божество, Андрей с недовольной Шанти погрузился в карету и в сопровождении гвардейцев отправился восвояси, приказав кучеру остановиться у самой хорошей в городе харчевни. Там, где чаще всего дерутся и где можно получить в ухо ни за что.

Кучер вытаращился на Андрея, как на чудище морское, когда услышал, что остановиться надо не доезжая двух кварталов до этого заведения и, оставив там советника со спутницей, ехать во дворец, но, как хороший, вышколенный слуга, ничего не сказал, низко склонившись в поклоне.

С его шляпы стекали потоки воды, плащ был мокрым, как если бы кучер нырял в пруд, поэтому по большому счету ему было глубоко плевать на капризы и пожелания хозяев. Сказали их посадить — значит, посадить! Все!

Посоветовавшись с командиром охраны, он взгромоздился на карету, хлопнул кнут, лошади дернулись, и огромные, чуть ли не выше самой кареты колеса снова загромыхали по каменной мостовой.

Искомая таверна обнаружилась в портовом районе. Командир охраны постучал по дверце остановившейся кареты и негромко сказал выглянувшему в окно Андрею:

— Господин советник, вон там, в двух кварталах отсюда, таверна «Штопаный парус». Самое злачное из всех злачных мест. По молодости, курсантами, мы туда заходили — ни разу не обходилось без того, чтобы мы с кем-нибудь не подрались. Вы уверены, что вам туда надо? Нет-нет, я знаю, что вы великий мастер меча и очень сильный, смелый человек. Но надо ли вести туда невинную девушку? Вы можете не уследить, и кто-нибудь ее обидит. И что тогда? Ну да, мы разнесем этот вертеп по бревнышкам, но будет поздно. И кроме того, могут вспыхнуть беспорядки. После умирения недавних волнений народ возбужден, так и ищет повода, к чему бы придраться. Понравилось им, видите ли, грабить и бесчинствовать. Подумайте, надо ли вам это?

Андрей внимательно посмотрел в глаза сержанту гвардии и прощупал его эмпатическим чувством. Тот искренне заболтался о самочувствии охраняемого объекта, и Андрей слегка устыдился, что создает людям лишние проблемы. Он полез в карман, нащупал пару золотых и вручил охраннику.

— Найдите тут приличную харчевню и выпейте пива. И кучера не забудьте — промок совсем. А о нас не беспокойтесь — мы прогуляемся и вернемся. Только скажите, где вы будете сидеть, чтобы мы вас нашли. Я решил не отправлять вас во дворец без меня — боюсь, императрица обеспокоится. Зачем нам ее волновать, не правда ли?

— Да, конечно, — с готовностью кивнул охранник, повеселевший и предвкушавший выпивку за чужой счет. — Мы пойдем вон туда, в «Желтый кнут». Недорогая харчевня, вполне приличная. Может, вы тоже там посидите? Нет? Ну вам виднее, — закончил сержант и поспешил сообщить остальным гвардейцам радостное известие. Приятно, в самом деле, — и на службе, и законно можно пропустить парочку кружек пива. А может, горячего вина со специями — это уже кто как любит.

Андрей накинул на Шанти непромокаемый дождевик, висевший в углу кареты, второй надел сам, накинул капюшон и, выпрыгнув из кареты, подал руку Шанти. Она грациозно выпорхнула наружу, вся светясь довольством и красотой, и тут же выругалась грязнейшим из ругательств, наступив прямо в лужу, где плавала дохлая крыса. Сержант гвардейцев спрятал невольную усмешку — он постарался запомнить новый оборот, чтобы употребить в казарменной бытовой речи.

— Ты чего это?! — рассердился Андрей. — Девушке не пристало выражаться такими словами!

— А пристало тут разбрасывать всякую гадость? — нервно парировала Шанти. — Ффу-у-у! Это надо же какую пакость Бог сотворил! Крыса!

— Мало ли какую еще пакость он сотворил, — туманно заметил Андрей. — Но язычок придерживай.

— Господин советник, — не выдержал сержант, — там, куда вы идете, такой язык более употребителен, чем ваша правильная и вежливая речь. С тем народцем так и надо, иначе на шею сядут. Может, все-таки с нами посидите, в «Кну-

те»? Там есть отдельные кабинеты, закрывающиеся на ключ, вам будет удобнее. И госпоже.

Андрей слегка нахмурился, потом усмехнулся — что это они себе вообразили? Что Шанти его любовница и он скрывается с ней от своей жены в заштатной гостинице? А что еще должны подумать солдаты, видя, что их господин шастает по значным местам низшего пошиба? Значит, не хочет, чтобы его видели аристократы, знатные господа. И капюшон низко надвинул для того же — чтобы не узнали.

— Как акул жрать, так ничего? — мысленно обратился Андрей к Шанти. — А тут крыску испугалась?

— Акулы же чистые! В воде плавают! Крысы — они гадкие! И мыши тоже! Я их ненавижу! — парировала Шанти, тоже по мыслесвязи. — Отвратительнее существ нет!

— Ничего себе! Отважная драконица, гроза оборотней, боится мышей и крыс? — съехидничал Андрей. — Да может ли такое быть?

— И чего такого? Они *противные*! Да, да, боюсь! Подавись! Боюсь! И что? Лучше я пять оборотней встречу, чем эту мелкую серую гадость! Брр! Не говори мне больше про них! У меня просто чешуя дыбом встает!

— Ладно, не буду. Пошли. Только тут полно крыс. Не боишься, что они ка-а-ак выпрыгнут, ка-а-ак набросятся?! И хвост оторвут у несчастного дракона, чешую которого не могут пробить даже стрелы?

— Я на провокационные вопросы не отвечаю! Наглые, грязные людишки развели крыс и мышей! Сами как крысы! И мыши!

Под разъяренное бормотание драконицы парочка быстро дошла до заведения, на котором имелась грязная, битая морскими ветрами вывеска, и на ней слегка просматривался корабль, под всеми своими штопаными парусами стремящийся к светлому будущему — вероятно, к такому же вертепу, как этот.

Под небольшим навесом уютно устроились трое пьяниц, обнявшихся и почмокивающих во сне, как младенцы. Их карманы были вывернуты, а шнурки, на которых раньше висели кошельки, отрезаны, что свидетельствовало о стремлении заведения охранять здоровье своих посетителей любыми доступными методами. Ведь если они не смогут потратиться на

выпивку — значит, и не нанесут ущерб своему здоровью! Можно было бы предположить, что обобрали алкашей случайные прохожие, но такое могло прийти в голову только несведущему человеку. Все, кто попал в «Штопаный парус», должны оставить деньги в этих стенах, или нечего было сюда вообще приходить! Так считал Данеро, бывший пират, а теперь хозяин заведения, который отличался не только патологической жадностью, но еще и светлым умом.

Когда-то его озарило — пиратский промысел совсем не такое выгодное и почтенное дело, как считало большинство глупых романтических щенков, начитавшихся дурных книжек, а тяжкий, грязный и самое главное — вредный для здоровья труд, приводящий примерно через пару лет или на дно, с камнем на ногах, или на виселицу, под одобрительный шум матросов и рокот барабанов береговой охраны. Гораздо выгоднее грабить на берегу, продавая посетителям таверны еду и выпивку по запредельным ценам и обирая пьяных. Почтенно — и полезно для здоровья. И не менее романтично, кстати! Ведь главная романтика не в преодолении штормовых волн, а в обладании тугим кошельком. Вот где настоящая-то романтика! А как романтично перебирать в руках драгоценности, заложенные пьяницами и не выкупленные обратно, — ведь достались они за гроши. А еще вещички с пропавших кораблей и со случайных прохожих, забредших в этот район — не в то место и не в то время, когда было надо. Немного испачканные кровью, но вполне крепкие и самое главное — очень, очень дешевые. Их хорошенько отстирать, заштопать прорезы на спине, и можно выставить в магазинчике для малоимущих, что в рыночном квартале. Мало кто знал о том, что лавка под названием «Товары по низкой цене» принадлежала владельцу «Штопаного паруса». Он держал ее через двоюродного племянника, который свято хранил эту тайну — под страхом смерти. Родственник или не родственник, а за некоторые вещи Данеро отрезал бы язык кому угодно! Таких лавок у него было три: одна торговала одеждой, другая — ювелирными изделиями, третья — всем, что попадетсЯ в руки, от посуды до оружия. Что-то вроде лавки старьевщика, только повыше уровнем.

Парочка, перешагнувшая порог заведения, не привлекла особого внимания — ну пара как пара, ничего интересного.

Девушка с наглыми зелеными глазами, задранном носом и пухлыми губами шлюхи, мужчина, прячущий лицо под капюшоном дождевика, — мало ли сюда ходит искателей приключений? Тут бывают и аристократы, чтобы, так сказать, опуститься на самое дно и затем полгода рассказывать своим менее смелым друзьям, что он, герой и отчаюга, посетил знаменитый притон! И ушел оттуда живой и невредимый, прибыв по дороге парочку хамов, посмеявших сказать ему слово поперек.

О том, что он тихо, пугаясь каждого шороха, вместе с тремя такими же лопухами просидел тут всего пару часов и был обманут при расчете минимум на золотой, а то и на два, — об этом уточнять не стоит. Совсем не стоит.

И о том, что, если бы кое-кто захотел, не нашли бы даже его трупа, — ему знать не нужно. Данеро выгодны такие посещения, тем более что он держал целый штат проституток, обслуживающих его клиентов, среди которых были и очень важные персоны. После того как сгорел корабль-бордель, которым владели конкуренты, главным заведением, поставлявшим «товар» для VIP-клиентов, стал «Штопаный парус».

Нет, сам Данеро не получал удовольствия от того, что его партнерша извивалась и кричала, вытаращив глаза и пытаясь умолить своего мучителя не делать ей больно. Он не извращенец. Но если есть люди, которые платят за это большие деньги, почему бы и не дать им то, что они хотят? Тем более что через них можно прокручивать кое-какие делишки и посерьезнее... не все драгоценности, что он приобретал у пиратов, имели бросовую художественную и ювелирную ценность. Были и вещи, стоившие очень приличных денег, даже по меркам аристократов.

И кому их сбывать? Рыночным торговкам? Башмачнику Пежару с его толстозадой дочкой? Нет, ценные предметы находят хозяев среди родовитых людей. Кстати — не гнушающихся иметь свои комиссионные с краденой вещишки. Титул — это хорошо, но частенько проку от него не больше, чем от шляпы с перьями экзотической птицы для домашней кошки. Впрочем, даже меньше — в шляпе кошка может хотя бы уснуть, а титул для нее пустой звук. Как и для тех титулованных людей, не имеющих за душой ни гроша.

Как так получилось? Да мало ли причин... немилость им-

ператора, лишившего всех поместий, дурные наклонности — пьянка, азартные игры, жадные красотки, — все это приводит к разорению и к поиску непьющих источников дохода. В общем, Данеро тут был как раз на своем месте — месте страшного, кровавого паука, держащего в своих руках многие нити темной стороны жизни.

ГЛАВА 2

Зал был заполнен процентов на семьдесят. Время обеденное, но в такие заведения люди ходят совсем даже не просто так пообедать, притом завсегдатаи трактира появлялись обычно поздним вечером. Хотя и сейчас около десятка бандитов сидели в дальнем углу и пили горячее вино.

Данеро знал, что они скоро незаметно исчезнут, отправившись на вечернюю «охоту». Лавки закрываются ближе к вечеру, и есть шанс выследить купца, идущего домой с приличной суммой денег. Потому-то торговцы частенько старались держать лавку в том же доме, где жили, — квартира наверху, торгуешь на первом этаже. Но что поделаешь, если дом стоит не в людном месте? И если от лавки до него надо ехать минимум час? Вот и случались время от времени в городе кровавые ограбления или исчезали люди.

Несколько проституток зорко поглядывали за входной дверью, чтобы броситься навстречу посетителю и перехватить его раньше, чем «коллега» по ремеслу. Доходило до жесточайших драк, однажды такая драка даже закончилась убийством. Данеро сквозь пальцы смотрел на это безобразие, если только оно не грозило его благополучию. Никаких убийств, никакого членовредительства — девку, лишившую жизни свою товарку, он приказал задушить на глазах всего «коллектива», в назидание остальным шлюхам: драться деритесь, но уничтожать станок, штампующий деньги, не моги! И ломать его нельзя — изуродованная девка не принесет дохода.

Так-то даже интересно, когда девки дерутся за клиента, — народ ради таких зрелищ бросает игру в кости и свои разговоры о том, кто кого сегодня выгодно прирезал в переулке. Но — все должно быть в меру.

Данеро каждую седмицу даже устраивал поединки шлюх: совершенно голые девки боролись на ковре посреди трактира, пытаясь положить одна другую на лопатки, а победительница потом собирала то, что ей накидали щедрые — или не очень — посетители.

Немногие знали, что из этих денег девкам достанется хорошо если треть — остальное забирал Данеро.

Честно сказать, он уже давно не испытывал необходимости в деньгах. Денег у него было столько, что он мог бы купить несколько таких трактиров со всем персоналом в придачу. В тайном укрытии у него лежало больше двух миллионов золотых. Кроме того, он втихаря скупал недвижимость — дома, землю. Но, как жадный паук, не мог удержаться, чтобы не высосать сок еще из одной жертвы, не мог остановиться, отказаться от денег, так и плывущих в руки. Но при всем том он был скромн, питался простой, здоровой пищей, не курил, не употреблял наркотики, вина выпивал не более бокала в день, и то разведенного. Любил женщин, да, — а кто их не любит? Но и это не было его страстью — любая из проституток, умелых, тренированных и частенько довольно красивых, обслужила бы его так, как он хочет. И обслуживали. По первому требованию, или скорее — кивку головы. Они боялись его до потери пульса и говорили о нем только шепотом, десять раз удостоверившись, что никто не подслушивает. За язык Данеро карал нещадно.

Внешне это был очень приятный человек лет пятидесяти — пятидесяти пяти, седоватый, с неизменно чистыми волосами, стянутыми на затылке в воинский хвост. Одевался неброско, говорил тихо, вежливо, никогда не матерился и не богохульничал. Но при всем том это был один из самых страшных людей в империи, если не во всем мире.

Как он умудрялся оставаться в живых? К тому же имея кругленький капитал? Легко. Данеро был главарем всего преступного сообщества столицы Балрона. Но самое интересное, что об этом не знал никто, кроме нескольких доверенных лиц, осуществляющих от его имени управление боевыми группами бандитов.

Все преступники платили дань — двадцать пять процентов с награбленного, наворованного, отнятого и украденного. Четкая бухгалтерия и многочисленные информаторы не по-

зволюли мухлевать с оброком, а те, кто противился воле Данеро, исчезали, как лужи под летним жарким солнцем. Акул в море много... им тоже надо есть.

Существовало несколько «ипостасей» Данеро.

Первая — для большинства — трактирщик, в заведении которого можно хорошенько выпить и куда редко заходят патрули городской стражи, то есть здесь безопасно. А еще можно найти доступную женщину.

Вторая — для завсегдатаев — трактирщик, скупающий награбленное, темный махинатор, но — барыга, человек не их круга. Презираемая личность. Кто уважает барыг? Никто, кроме них самих. И кто уважает сутенеров? Вообще никто. Ни клиенты, ни проститутки. Почему до сих пор башку ему не разбили? Да кто знает — говорят, кто-то за ним стоит, кому-то он платит за защиту.

И третья ипостась — это настоящая жизнь Данеро — главарь преступного мира столицы. Об этом уровне знали единицы. Три человека приближенных, главари самых крупных банд города, да еще пара-тройка доверенных лиц.

Данеро не был женат. Зачем? Женщины есть всегда, а детей он не любил — от них одни хлопоты. Власть и деньги, деньги и власть — вот что главное в мире. Ему доставляло удовольствие смотреть на посетителей трактира из-за своей стойки и думать о том, что он мог бы любого из них стереть в порошок. Сломать жизнь, уничтожить морально и физически. И не делает он это только потому, что *может* это сделать. А раз можешь — зачем делать на самом деле? Разве предвкушение не слаще самого удовольствия? Вот ты получил то, что хотел, а потом? Разочарование. Как с женщиной, которую ты добивался, взял ее, как хотел, а потом, застегивая штаны, разочарованно подумал: «И зачем это было? Что у нее по-другому, не такое, как у предыдущих женщин?» И остается лишь чувство досады... до следующего предвкушения, до следующей победы.

Данеро был в некотором роде эстет и, если бы он знал, что говорили по этому поводу мудрецы из параллельного мира, очень бы удивился, насколько их мысли совпадают. «Главное не цель, главное — путь к цели». И сказал бы, что они совершенно правы.

Парочка прошла туда, где было меньше всего народу. По-

сетители трактира, как ночные животные, не очень любили освещенные места и старались забиться в угол, где темно. Инстинкт говорил: спрячься, не показывай себя!

Похоже, что этой паре инстинкт изменил — мало того что они уселись неподалеку от окна, так девица еще скинула дождевик и осталась в зеленом шелковом платье, тесно облегавшем ее упругие бедра и грудь, норовившую выскочить из лифа.

Данеро невольно вздохнул — девица была хороша! Она просто светилась молодостью, чистотой, каким-то добрым весельем, и после взгляда на нее трактир казался еще более грязным, темным и подозрительным местом.

Трактирщик задумался — девка-то высшего сорта. Может, заняться ею? Граф Турасов любит таких — невинных, свежих. Обламывать их любит. Пытать. Можно взять с него большие деньги. Очень большие. Сомнения вызывает только этот мужчина, прячущий лицо под надвинутым капюшоном, — кто он такой? Впрочем, важные персоны сюда не ходят. А с остальными справиться легко. Сравнительно легко. Все люди смертны... Все-таки вначале нужно присмотреться к посетителям.

— Как я поняла, ты привел меня сюда развлекаться, — промурлыкала Шанти, оглядываясь по сторонам. Она с удовлетворением отметила, что несколько мужчин, сидящих неподалеку, пожирают жадными взглядами ее соблазнительные полушария.

— В общем-то да... только уже жалею, что привел тебя сюда, — сознался Андрей. — Ощущение у меня нехорошее. Знаешь, я некогда воевал в горах, так вот, бывало, идешь и вдруг чувствуешь, что кто-то на тебя смотрит. И не просто смотрит — он твой враг! Он тебе хочет зла! Он сейчас в тебя выстрелит! Падаешь — и вовремя. Выстрел! И если бы ты не упал, лежать бы тебе с пробитой пулей башкой. Это непередаваемо. И не всем дано. Но я умел почувствовать. Может, потому и жив до сих пор. И вот здесь — тяжелая атмосфера. Угроза не от этих придурков с разбойничьими рожами, нет. Что-то другое. Более опасное. Как будто где-то в темноте сидит чудовище и поджидает меня, приготовившись к прыжку.

— Поэтично как! — восхитилась Шанти. — Вот так и надо

излагать свои мысли! А то — крысы, мыши... пугаешь меня всякой гадостью. А тут весело. Очень интересно! А что, хорошее место — много придурков, которых можно выкинуть в окно, много еды... кстати, чего там насчет еды? Эй, милая, ну-ка, поди сюда!

подавальщица, девица лет двадцати пяти, в ярком, облегающем ее прелести сарафане, подошла к столику и, завлекательно улыбнувшись мужчине в капюшоне, ласково спросила:

— Чего изволите? Есть хорошая оленья поджарка с крюолями, суп из осьминогов с мидиями и артусами, сладкие булочки с медом, пироги с олениной и еще много, много вкусного! И вино — хорошее, кракасийское — белое и красное. А еще, — она наклонилась пониже, — возбуждающие мушки! Если мужчина употребит их за полчаса до постели — потом с себя не скинете! Затопчет!

Шанти хихикнула и спросила по мыслесвязи:

— Не хочешь меня потоптать? А потом я тебя!

— Жестокосердная драконица! После того как ты потопчешь своей тушей... нет уж, обойдемся без топтания!

— Нет, пока обойдемся без топтания. — Шанти лучезарно улыбнулась девице. — Оленьей печени. Почти не обжаренной, чтобы кровь сочилась. Мяса без специй. Слегка обжарить. Ну и... пирогов,пряного мяса с овощами, сладостей, пива — тащи всего побольше.

подавальщица удивленно вскинула брови, но переспрашивать не стала и пошла выполнять заказ, виляя бедрами так, что казалось, она извивается будто змея. Видимо, такой эффект создавали узоры на ее сарафане, выполненные в виде переплетенных нешироких линий. Мужчины за столиками проводили девицу взглядами, а один, когда она проходила мимо, погладил ее по заду, за что получил соблазнительную улыбку. Похоже, что девушка работала тут не только подавальщицей...

Андрей привычно, как в бытность свою вышибалой, осмотрел зал и отметил трех здоровенных парней — собратьев по ремеслу, которым он некогда промышлял в Славии. Вышибалы были не очень крупные, но такие... квадратные, что ли, — жилистые, сильные, с цепкими, внимательными глазами. Они гасили конфликты в зародыше — им достаточ-

но было только подойти к скандалистам, и те сразу же замолкали, утихали или выходили наружу, за дверь.

Проследив за взглядами вышибал, Андрей нашел главного — мужичка лет пятидесяти, скромно стоящего за стойкой и прихлебывающего что-то похожее на сок из высокого хрустального стакана. Именно хрустального, а не стеклянного — Андрей отчетливо видел прихотливые изгибы стенок, а еще тонкую золотую гравировку в виде вычурного вензеля. Похоже, это были инициалы владельца. Такие изделия недешевы, даже если забыть, что отделка золотом стоила больших денег.

Андрей задумался — этот штрих как-то выпадал из общей картины. Он чуял здесь что-то неправильное, неестественное. Хотя... мало ли где трактирщик мог добыть этот стакан. На базаре купил, например. А то, что этот человек внимательно разглядывал его и Шанти, проявляя большой интерес, так это благодаря драконице, устроившей тут чуть ли не стриптиз. Ее грудь, выпадающая из платья, привлечет внимание и совершеннейшего импотента, что уж говорить про половозрелого, голодного до баб мужика.

Они занялись едой. Шанти с удовольствием поглощала сочные куски печени, резала ножом сочащееся кровью мясо и насмешливо поглядывала на Андрея, который механически жевал то, что ему подали, практически не разбирая вкуса.

Он думал о том, как ему создать самую могучую в мире армию и при этом не замарать рук. Почему он непременно должен был марать руки? А как иначе добыть деньги? Казна пуста. Его личные деньги кончаются. Что делать? Увеличить налоги? Бессмысленно: если при нынешней ставке собираешь ноль налогов, то увеличь налоги на четверть — и будешь собирать больше на четверть от ноля. То есть — опять ноль.

Самое неприятное было в том, что армия волновалась. Не хватало денег на ее содержание. Перефразируя известное высказывание Наполеона: «Народ, который отказывается кормить свою армию, будет кормить чужую», можно сказать так: если они с Антаной не накормят свою армию, то... в общем, хреново им придется. А ведь еще нужны деньги на оружейный завод, высосавший львиную долю всех его личных сокровищ и окончательно опустошивший казну. Расходы на завод уже составили более трех миллионов, а если продол-

жать его перестройку, строить новые прессы, создавать новые машины, эта сумма может утроиться. Где взять деньги?

Внезапно ему в голову пришла мысль — а не посоветоваться ли с «женой»? Олра очень умная женщина, и она долгое время в одиночку вела все дела своего трактира. А теперь занимается коммерцией и общается с элитой столицы Балрона. Что она посоветует? Все равно больше ничего в голову не приходило — кроме вульгарной экспроприации денег у богатых людей. Но это порочный путь. Это приведет к бунтам, мятежам и многократному увеличению сторонников Гортуса.

Его внимание привлек голос подавальщицы. Она что-то настойчиво говорила, и, очнувшись от раздумий, Андрей спросил:

— Чего? Что ты хочешь?

— Она хочет, чтобы мы с тобой прошли в кабинет хозяина и с ним побеседовали, — объяснила Шанти. — Говорит, в качестве компенсации за беспокойство за обед с нас денег не возьмут.

Андрей неопределенно пожал плечами:

— А кто хозяин?

— Вы его видели, наверное, — улыбнулась подавальщица. — Он стоял за стойкой. Невысокий такой мужчина с седыми волосами. Это наш хозяин господин Данеро. Очень, очень влиятельный человек. Поговорите с ним, пожалуйста, он будет вам очень обязан.

— Пойдем? — мысленно передала Шанти. — Сдается мне, что будет забавно.

— Ага, будет, — тоже по мыслисвязи мрачно отозвался Андрей. — Я так и знал, что тут тухлецей пахнет. Будь настороже. И это... без нужды не показывай истинную сущность. Иначе придется всех, кто видел, поубивать. А так — просто поколотим их слегка, и все.

Подавальщица провела их через весь зал, потом по длинному коридору куда-то в глубь здания и сдала с рук на руки мрачному мужику, обладающему грацией боксера-средневеса. Не говоря ни слова, тот провел их в большую комнату, в которой все дышало покоем. На стенах развешаны картины, изображающие вишни и яблони в цвету. Обои с рисунком ручной работы были выполнены в пастельных тонах, а окон-

ные проемы заменяли пейзажные полотна, написанные так искусно, что создавалось впечатление реальности увиденного. Иллюзию усиливали шелковые занавеси, обрамляющие картины, — как будто хозяин только что их раздвинул, чтобы полюбоваться видом из окна.

Данеро сидел за овальным столом, сервированным на три персоны дорогим хрусталем, фарфором и серебром. Трактирщик жестом предложил Андрею и Шанти присесть в кресла с высокими спинками, украшенные искусной позолоченной резьбой.

Андрей прощупал хозяина заведения эмпатически, но ничего особенного не уловил — тот лучился радостью и чуть ли не мурлыкал от удовольствия, как сытый кот. Ни агрессии, ни ненависти. Настроен доброжелательно, как и подобает радужному хозяину, ждущему гостей.

Больше в комнате никого не было, хотя Андрей своим чутьем оборотня ощущал за дверью позади трактирщика присутствие нескольких человек, пахнущих агрессией и страхом, слышал их хрипкое пыхтение.

— Осторожнее, — передал он мыслесвязью, — за дверью толпа уродов наготове. Чего-то задумали, твари.

— Не учи ученую, — усмехнулась Шанти и сладко потянулась так, что ее «мячики» чуть не выскочили из лифа. — Знаю. Я что, не эмпатка, что ли? А слух у меня не хуже, чем у тебя.

Андрей попытался пододвинуть кресло — оно стояло так, что до стола пришлось бы тянуться, — но ничего не вышло. Кресло было намертво приделано к полу, и сдвинуть его не представлялось возможным.

В голове Андрея что-то мелькнуло, какие-то ассоциации были связаны с этим креслом. Он напрягся, чтобы вспомнить, но, когда в мозгу возник образ электрического стула и Андрей все понял, было поздно. С потолка мгновенно, как выстрелили, обрушились две стальные клетки, с грохотом вонзившиеся в пол, из которого выскочили зацепы, тут же надежно зафиксировавшие сооружения.

Шанти вскочила с места, ее лицо исказилось, но, прежде чем она что-то сказала, Андрей предупредительно передал:

— Тихо. Сядь! Успеем. Послушаем, что эта гнида скажет.